

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ОБОЗРЕНИЕ НАШЕЙ
СОВРЕМЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЦЕНЗУРНОЙ

Петр Андреевич Вяземский

Обозрение нашей современной литературной деятельности с точки зрения цензурной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503995

Аннотация

«В настоящей литературе нашей нет, в собственном смысле, вредного и злонамеренного направления. Основные начала, на коих зиждется благосостояние государства, не нарушаются ею: то есть религия, верховная власть и чистота нравственности не оскорбляемы изложением мнений, которые могли бы потрясти эту тройственную святыню общественного порядка. Впрочем этим хвалиться еще нечем. Оно иначе и быть не может. При существовании предупредительной цензуры, при твердой и безусловной силе правительства вашего, всякое, со стороны писателей, покушение посягнуть на общественный порядок было бы не только безумно, но и несбыточно...»

Содержание

I	4
II	16
III	18
IV	23

Петр Вяземский Обозрение нашей современной литературной деятельности с точки зрения цензурной

I

В настоящей литературе нашей нет, в собственном смысле, вредного и злонамеренного направления. Основные начала, на коих зиждется благосостояние государства, не нарушаются ею: то есть религия, верховная власть и чистота нравственности не оскорбляемы изложением мнений, которые могли бы потрясти эту тройственную святыню общественного порядка. Впрочем этим хвалиться еще нечем. Оно иначе и быть не может. При существовании предупредительной цензуры, при твердой и безусловной силе правительства вашего, всякое, со стороны писателей, покушение посягнуть на общественный порядок было бы не только безумно, но и несбыточно.

Между тем недостаточно, чтобы в печати не выказывались

явные посягательства на коренные начала общественного и законного благоустройства. Предосудительны и опасны могут быть потаенные попытки действовать в этом смысле, и тем опаснее, что прикрытые и облеченные хитростью слова могут быть передаваемы в тайне, как лозунг, от одного другому соумышленнику. По убеждению моему, нет и того. У вас в литературе могут быть единомышленники, партии, пожалуй старообрядцы (как, например, «Русская Беседа»), но *злумышленников нет. Нет начал злонамеренный и возмутительных.*

Если и встречались изредка выходки, вспышки, которые могли давать справедливый повод к перетолкованию в смысле предосудительном, то и они были разве совершенно отдельные, личные и не находили вы сочувствия, ни отголоска в большинстве писателей. Напротив, они подвергались общему осуждению. Когда министерство почло себя обязанным обратить взыскательное внимание на некоторые стихотворения Некрасова и приняло строгие меры с предупреждением дальнейших уклонений в этом роде, *то многие из журналистов и молодых писателей жалели, что, вследствие запрещения печатно говорить о сочинениях Некрасова, не могли они орудием критики осудить и заклеивают всю неблаговидность и неуместность подобного литературного своеволия.*

Можно сказать положительно, что современная наша литература не заслуживает, чтобы заподозрили её политиче-

ские и нравственные убеждения. Вопросы религиозные и существенно государственные остаются для неё неприкосновенными как предметы безусловного и безграничного почитания. Когда в журналах наших завязалась довольно живая полемика о некоторых отношениях крепостного состояния в России, то министерство обратило тотчас внимание свое на эти прения. В управление мое министерством, я, циркуляром в цензурные комитеты, приостановил эту полемику, и с той поры она не возобновлялась. Журнальные рассуждения о сем предмете не выходили из границ чисто теоретических, но, со всем тем, как сей вопрос есть государственный и подлежит рассмотрению и разрешению одного правительства, то он и не может быть печатно обсуждаем иначе, как с соизволения на то правительства.

Но, с другой стороны, нельзя не заметить и не сознаться, что частные, не скажу второстепенные, а состоящие на гораздо низшей степени, общественные вопросы возбуждают пытливость, деятельность современной литературы и подвергаются её исследованиям. Это явление новое, или, лучше сказать, возобновленное после нескольких лет наложенного молчания. Не позволяю себе судить об этом периоде литературного молчания: может быть, временные меры строгости и были вынуждены необходимостью; в виду современных событий и Европейского волнения. Во всяком случае, повторю, что некоторое вмешательство литературы в дела общественные – явление у нас не новое. Оно только поражает

мнимою новизною те лица, которые незнакомы с ходом нашей литературы. И в прежние времена наши писатели подавали голос в живых и общественных вопросах. Они имели свои периоды благоразумной и законной свободы с одобрения цензуры. В доказательство того можно исчислить многие сочинения и книги, вышедшие в царствование Екатерины II, Павла I, Александра и в начале царствования Николая Павловича, которые возбуждают ныне напуганную опасность цензуры; другие и совершенно запрещены.

Ныне в литературу нашу входят вопросы специальные, например, по части народной промышленности, торговли и статистики, и другие относящиеся до преобразований и усовершенствований в государственно-материальном отношении. Эти вопросы приняли ныне большое развитие в журналах, но они не принадлежат к вопросам щекотливым и раздражительного свойства. Нельзя не желать, чтобы предоставлена была им некоторая умеренная свобода и чтобы со стороны министерства финансов, министерства внутренних дел и главного управления путей сообщения не было излишнего вмешательства для преграждения развития и обсуждения этих вопросов, совершенно практических. Приступим теперь прямо и откровенно к рассмотрению вопроса, имеющего свою важность и относительную щекотливость. Литература наша, в особенности журналы, деятельно принялась в последнее время за обличение и исправление злоупотреблений, вкравшихся и укоренившихся в нижних слоях

нашей администрации. Это явление также не новое. С давних времен Сумароков, фон-Визин, позднее Капнист и многие другие преследовали на театре, в сатирах, романах, журналах русское крючкотворство, подьячество, ябедничество, взяточничество и злоупотребления помещичьей власти. К сожалению должно признаться, что эти исправительные нападки и преследования мало содействовали не только к искоренению, но даже и к исправлению зла. За то, с другой стороны, можно спросить: ослабили ли они чувство покорности к монархической власти и её охранительное действие в России? Потрясены ли были ими общественное устройство, законный порядок и повиновение частным властям? На эти вопросы двух ответов быть не может. Всем ясно, что таких вредных последствий не было.

Должно сказать всю правду: в прежние времена эти нападки были отдельные, временные; ныне они приняли объем более обширный, характер более постоянный и систематический. Можно бы назвать это направление *следственной литературой*. Литература обратилась в какую то *следственную комиссию низших инстанций*. Наши литераторы (например, автор *Губернских Очерков* и другие) превратились в каких-то *литературных станowych и следственных приставов*. Они следят за злоупотреблениями мелких чиновников, ловят их на месте преступления и доносят о своих поимках читающей публике, в надежде вместе с тем, что их рапорты дойдут и до сведения высшего правительства. В литератур-

ном отношении я осуждаю это господствующее ныне направление: оно материализует литературу подобными снимками с живой, но низкой натуры, низводит авторство до какой-то механической фотографии, не развивает высших творческих и художественных сил, покровительствует посредственности дарований этих фотографов-литераторов и отклоняет нашу литературу от путей, пробитых Карамзиным, Жуковским и Пушкиным. Многие негодуют на то, что эти живописцы изображают одну худую сторону лиц и предметов. И негодуют справедливо. Но дело в том, что пошлость и пятна скорее кидаются в глаза, что легче их схватывать и описывать. Область нравственно-прекрасного и возвышенного не всем доступна. Родись у нас великое дарование, как Жуковский или Пушкин, и в литературе нашей откроются новые горизонты. Я сознаю, что нынешнее направление неудовлетворительно, неутешительно, но опасно и вредно ли оно в государственном правительственном отношении? – решительно не признаю того. Напротив, если такому направлению приписывать какую-нибудь относительную пользу, то, без сомнения, правительству благоприятную. От этих тысячи рассказов, тысячу раз повторяемых, общество наше ничего нового не узнает. Вся Россия на практике давно затвердила наизусть проделки нашего чиновничьего люда. Все от них более или менее страдают. Следовательно, зло не в том, что рассказывается, а в том, что делается. Каждый крестьянин, и не читая журналов, знает лучше всякого остроумнейшего

писателя, что за человек становой пристав. Но в этих журнальных обличениях может быть и в самом деле есть несомненное добро, а именно: возрождающееся от них убеждение в народе, что высшее правительство не принимает, так сказать, на себя ответственности в этих злоупотреблениях, не застраховывает их законом молчания, который налагается на общество; напротив, соболезнуя больному, оно не лишает его отрады поохать и покряхтеть, когда приходится ему жутко.

Я убежден, и мое убеждение основано на многих личных свидетельствах, что нынешнее снисходительное, противу прежнего, ослабление цензуры имело самое благоприятное действие. Оно во многих отозвалось живейшею благодарностью к Государю; обратило к правительству многих, которые, при напряженном молчании литературы, держались в какой-то тайной оппозиции, и ныне в печати те же самые мыслят гораздо умереннее и благонамереннее *нежели готовы были действовать в кругу рукописной литературы, а она, очень любимая в России, имеет несравненно более важности и ценности в глазах читающей публики.* По справкам, заслуживающим доверенности, известно, что, до разрешения напечатать комедию «Горе от ума», она в несколько десятках тысяч рукописных экземпляров разошлась по всей России. Подобного результата в печати она не имела бы никогда. Этот пример может отнестись и во всем другим рукописям. Нет сомнения, и это также подтвержда-

ются фактами, что внутри России эти журнальные нескромности и сплетни не имеют никакого вредного действия. они никого не смущают, а разве многих потешают. До верховной власти восходит одна благодарность. По Русскому понятию и чувству, все доброе истекает от Государя, а все худое от нерадивых исполнителей воли Его. Следовательно, и в этом случае, губернии, терпя административные злоупотребления, утешаются тем, что Государь дозволяет на них указывать и жаловаться с горем и смехом по полам. Такой вывод весьма важен. Для приобретения его можно пожертвовать личностью некоторых недостойных взяточников и необдуманною щекотливостью тех, которые в нападках на частные злоупотребления видят посягательство на священное начало и право власти. Все от Бога; по между тем нет никакого кощунства в жалобе на дурную погоду, когда идет проливной дождь и на дворе слякоть. Также и здесь жалобы на личные отдельные притеснения не имеют в виду верховной власти.

Если, по моему мнению, помянутое направление литературы нашей не производит соблазна во внутренней России, то здесь в Петербурге дело другое. В высшем обществе, и то в весьма ограниченном кругу тех, которые изредка и случайно читают по-русски, понятно, что Русская грамота, мало им знакомая, имеет в глазах их особенную важность. Им как-то дико и странно видеть мысль, облеченную в Русские буквы. Они уже свыклись с выражениями иностранных языков; но им кажется, что Русская азбука совсем не на то со-

ставлена, чтобы служить проводником и выражением Русского ума. Как в этом отношении, так и во многих других, мы увлекаемся чужими влияниями и порабощемся чужим страхом. Если смотреть беспристрастно и не малодушно, то как не убедиться, что Русская литература не имеет того господства, *не облечена в ту диктаторскую власть, которыми вооружена она на Западе.* Русский журнал не есть ни Английский, ни Французский. Он не вожатый, не глашатай той или другой политической партии. Наша литература *не есть передовой застрельщик общественного мнения.* Наша письменность даже и в тех приемах, которые наиболее пугают некоторых, своею мнимой наступательностью, *все еще далеко отстоит от общего изустного мнения.* В самых резких выражениях своих, она разве позволяет себе, или дозволяют ей, говорить кое-что и кое-как о том, что у всех на уме и на языке и что говорится громогласно на всех перекрестках обширного нашего государства. Можно, конечно, лишить ее и этого безобидного и весьма умеренного права, но какая будет от того польза и кому? уж верно не правительству. Это мое глубокое, соvestливое и испытанное убеждение.

Литературу нашу можно усвоить и заставить ее молчать, но возвратить ее насильственно к патриархальной и пастушеской простоте золотого века – дело невозможное. Мы живем в век испытаний и великих событий. Литература не может оставаться беззаботною, посреди озабоченного общества. Севастопольские громы пробудили в нас новые поня-

тия, новые стремления, новую потребность в назидательном самопознании. В нашем обществе, как и во всяком другом человеческом обществе, гнездятся свои недуги, свои язвы и недостатки. Последние события строго указали нам на эти немощи. Воспользуемся уроком и постараемся сознательно измерить, осязать и привести в ясность наше внутреннее положение. Злоупотребления ли нашей литературы, излишняя ли свобода её породили те невозможности, те преграды, которые, так сказать, сковали волю самого благодушного и самого энергического из властителей и вместе с нею сковали все усилия доблести и самоотвержения храброго войска и благочестивого народа. Не вернее ли будет искать в непробудном молчании одну из причин многих заблуждений, предубеждений и ошибок? Зачем предполагать опасность там, где её нет и ослеплять себя добровольным и умышленным неведением опасностей, о которые претываются ноги наши? Для нас, в противность другим обществам, опасность от приведенного в систему *молчания* пока гораздо пагубнее, нежели опасность от некоторого *многоглаголанья*. Излишнего вредного многоглаголанья при цензуре нет и быть не может; каждому противодействию есть свое время; обязанность благоразумия и верховной власти есть своевременное применение той меры, того орудия, на которые указывают потребность и сила обстоятельств. Никому не уступлю в любви к отечеству и в верноподданнической преданности к Государю, но вместе с тем скажу, что не вижу теперь ни

малейшей опасности, угрожающей со стороны литературы. Напротив думаю, что для общей пользы не должно усыплять её. Она должна быть бдительным и откровенным, но умеренным выражением общества: выражением потребностей его, упований и ожиданий, даже и опасений и жалоб, разумеется, не раздражающих, не возмущающих страстей, а возбуждающих разумное внимание общества. Она зеркало, в котором изображается и сосредоточивается общество, с соизволения и под надзором и опекою правительства.

Из того не следует, что я желаю совершенно развязать руки писателям и совершенно обезоружить цензуру. Нет, я желаю, чтобы цензура наша была сильна, но вместе с тем благоразумна и прозорлива, и не мелочна и не придиричива. Не вижу пользы при каждом движении прицеплять литературе тормоз, если впереди дорога гладкая. Тормоз хорош и необходим, когда в виду крутой скат, или *косгор*; но теперь их нет.

Со всем тем, повторю, положение нашей литературы не блестящее. Беда в том, что во главе её стоят не великие писатели, а более или менее ловкие и смышленные журналисты. Промышленная, торговая, любостыжательная, одним словом, реальная сторона века отразилась и на нашей литературе. Нет вдохновения, творчества, бескорыстной и благородно& любви к искусству. Но что же тут делать? Цензура горю этому помочь не может.

Но в настоящем положении цензуры можно было бы ей помочь, уяснив и упростив действия её. Собственно нет у нас

цензурного устава, хотя изданный в 1828 году не отменен. Но ни цензоры, ни писатели не могут им руководствоваться и законно ссылаться на него. Частные, временные предписания, в бесчисленном множестве изданные, по разным случаям, можно сказать, загромождали устав так, что до него добраться нельзя. Таким образом, одна из важнейших отраслей нашего охранительного законодательства совершенно запутана и лишена необходимого единства. По моему мнению, нужно безотлагательно восстановить ныне только нарицательно существующий устав и сделать в нем изменения и пополнения, какие признаются нужными. Затем следует совершенно отменить все предписания и распоряжения, которые были отдельно изданы.

II

Цензура, сия управа благочиния мыслей и выражений, являющихся в печати, не может (за исключением некоторых верховных и основных начал, которые, впрочем, и остаются неприкосновенными) во всех действиях своих руководствоваться применением положительных и ясных узаконений, подобно всякому другому административному учреждению. И там бывают ошибки и недоразумения, хотя действия и законы твердо выведены в параллельной точности.

Как же им не быть в деле цензуры, где по большей части все предоставлено личному уразумению, а чаще всего личным догадкам. В цензуре, кроме тех коренных начал, о которых сказано выше, все прочее условно и почти неуловимо. Здесь нет ясных указаний, непреложных запрещений, буквально означающих то, что дозволено, и то, что запрещено. Многое зависит от внутреннего сознания, в силу коего автор выразил свою мысль, от понятия и догадки цензора при суждении того, что написано, и от частных впечатлений и личных расположений разнородных читателей при чтении написанного. Тут открывается безграничное поле для встреч и столкновений мнениям и убеждениям, и убеждениям разномысленным и друг другу противоречащим. Отдельно взятое убеждение каждое может быть равно основательно и добросовестно, но в общем итоге выводятся заключения спорные

и взаимно обвинительные. Можно ли требовать от автора, чтобы он в увлечении своем никогда *не обмолвился* или не подал повода в превратному толкованию того, что он хотел сказать? От цензора, который с утра до вечера обязан прочитывать исписанные кипы бумаг и производить формальные следствия над каждою фразою, над каждым словом, *чтобы он ничего не просмотрел*, или понял все им прочитанное точно так, как поймут оное после и на досуге читатели, увлеченные иногда излишней строгостью или озабоченные своими личными предубеждениями. В таком неопределенном положении часто все могут быть правы и все виноваты. Не ослабляя обязанности цензуры, не уменьшая ответственности цензоров, можно позволить себе заметить, что несправедливо было бы, упуская из виду вышеприведенные соображения, судить о печатных недосмотрах, или даже и проступках с безусловною строгостью; несправедливо было бы везде искать злонамеренности там, где часто провинились одна опрометчивость автора и одно недоразумение цензора.

III

Настоящее положение литературы нашей можно подразделить на три главные и характеристические направления:

1) Направление нравописательное и, так сказать, исправительное, то есть изыскание и преследование всех злоупотреблений, вкравшихся в ваш общественный и административный быт.

2) Направление более частное и одностороннее и принадлежащее только ограниченному числу писателей. Оно имеет целью отстаивать исторические начала наши, нашу старину, нравы, обычаи её, Русскую самобытность, основанную на духовном начале православия, и противодействовать влиянию Запада, которому мы, по мнению его, слишком безусловно подражаем и покоряемся.

3) Направление ученое, любознательное, испытующее и практическое. Цель и способ сего направления: изучение и разъяснение вопросов, всех равно занимающих; распространение общепользных сведений по всем частям государственного управления в отношении гражданском, законодательном, экономическом; знакомство общества с началами, признанными новейшею наукою, с успехами и улучшениями во всех отраслях общежительного устройства. Все эти три направления не новы в нашей литературе. Знакомым с ходом её, изучившим её творения, легко проследить их по-

второявщиеся проявления. Им известно, что, начиная от князя Кантемира, знаменитого нашего государственного сановника и первого по старшинству из светских наших писателей, исправительное и сатирическое преследование домашних и административных злоупотреблений не переставало отзываться в Русской письменной деятельности. Можно было бы здесь исчислить многие сатирические периодические издания, исключительно посвященные обличению и наказанию общественных пороков, как-то: взяточничества, противозаконного самоуправства, невежества или безграмотности, злоупотреблений помещичьей власти. Это направление господствовало на нашем театре. Эту сатирическую стихию находим мы почти везде, равно и в одах Державина, и в баснях Хемницера и Крылова. Эта свобода, правительством дарованная писателям нашим, никогда не потрясала государственного и общественного порядка и не ослабляла любви и преданности народа к Царям. Напротив, она возбуждала общую признательность к верховной власти, которая в лице Екатерины Второй разрешила журнал «Живописец» и комедию «Недоросль», в лице Императора Павла I приняла посвящение комедии «Ябеда», и в лице Императора Николая I позвала Русское общество на представление «Горе от ума» и «Ревизора».

Второе направление литературы нашей, известное ныне под названием славянофильского, также явление у нас не новое. Борьба с западными нововведениями в нашу Русскую

жизнь, борьба с духом подражания, вытесняющего из нашего общества дух народной первобытности и самостоятельности – издавна отзывалась во многих из наших благонамеренных и монархических писателей. Не входя и здесь в литературные обзоры и в исчисления личностей, достаточно будет назвать одного Шишкова. На анти-западных убеждениях в деле литературном и общественном, которые он исповедовал и печатно проповедовал, основана известность его. Они не только дали ему замечательное место в нашей литературе, но, без сомнений, открыли ему поприще к достижению высших государственных званий и почестей. Он также был поборником старых обычаев, поверий, нравов; он изобличал современное общество в отступлении от православных начал богобоязненной и душеспасительной старины, в слепом и преступном подражании всему иноземному и в порче нравов, которая была горьким плодом этого подражания. Если и следует иногда останавливать это направление в попытках его к неумеренным и крайним заключениям, то нельзя не сознать, что это *старообрядческое* учение есть более историческое и умозрительное, нежели практическое. По существу своему нельзя от него ни в каком случае ожидать и опасаться живого применения к действительности. Можно опасаться зайти слишком далеко при постоянном и усиленном стремлении вперед; но при всех напряжениях ума и воли, при всей запальчивости мнений, не увлечешь общества в движение обратное и не заставишь его от-

скочить на 150 лет назад. Следовательно, во всяком случае опасность не тут.

Третье, нами означенное, направление литературы истекает прямо из современных потребностей и обстоятельств. Литература, т.-е. грамотность, никогда не оставалась равнодушною и немою зрительницею тех общественных интересов, которые преимущественно занимали и озабочивали современную ей эпоху. Ныне это участие, это вмешательство развилось более против прежнего, и таковое развитие совершенно естественно. Ныне эти интересы в обществе сами заговорили громче. Они сделались разнообразнее и многосложнее. События и наука сделали их каждому доступнее. Нововведения в жизни общественной более или менее сблизили все народы, все состояния. Сии нововведения – не исключительная принадлежность особенного звания; они общее достояние всех и каждого. Прежде одни богатые люди могли пользоваться дорогими открытиями науки и удобствами жизни. Для массы наука ничего не делала и не существовала. Ныне наука приспособляет свои открытия в пользу всех. Не входя в дальнейшие подробности, ограничимся заметкою, что ныне богатый и бедный, благодаря науке, отправляются в одном поезде из Москвы в Петербург, а чрез несколько лет будут отправляться из одного конца России в другой. При таком развитии материальных приобретений и улучшений, которые состоят в нераздельной связи с умственными и духовными силами народа, не возможно тре-

бовать, чтобы литература, сие выражение общества и своего времени, оставалась праздною и в стороне. Может ли она молчать о том, что в помышлениях каждого и у каждого на языке? Может ли не принимать она участия в общем движении и в перерождении общества на других началах и при других условиях? Литература должна содействовать и помогать обществу в уразумении и присвоении себе этих побед, одержанных наукою и просвещением в пользу правительств и в пользу управляемых. В эту среду, которую обхвачено все общество, сами собою врываются вопросы промышленности, торговли, финансов, всего государственного хозяйства. От этого нового положения возрождается в обществе потребность изучения и уразумения этих вопросов. Отчуждение общества от знакомства, по крайней мере, в общих понятиях от сих важных и жизненных вопросов, равнодушие в их действиях и пользе, было бы явлением прискорбным. Вместе с тем, оно лишило бы правительство надежнейшего пособия нравственной силы, которою оно может действовать на общество, на его доверие, убеждение, сочувствие и единомыслие.

IV

В настоящих обстоятельствах цензура находится в самом затруднительном и почти безысходном положении. Цензура сама подчинена различным цензурам, которые в действиях своих руководствуются не положительным цензурным уставом, а личными впечатлениями. От того цензора не могут иметь ни правильного и однообразного направления, ни доверия к себе. От того часто и действуют они бессознательно и на удачу. Не только цензура, подведомственная министерству народного просвещения, но и само министерство, при таком стечении и столкновении разнородных влияний, не может в цензурном отношении действовать по убеждению своему и с полною и законною ответственностью за свои действия. В беспрестанном недоумении должно оно угадывать частные истолкования и заключения многочисленных ведомств. И когда цензура обращается к министерству для разрешения сомнения, оно должно сознать перед цензурою, что неспособно и не в праве разрешить предлагаемое сомнение.

Часто переводные статьи, чисто принадлежащие науке и в которых не было никакого применения к России, подвергали цензоров взысканию только потому, что в этих статьях излагались начала, упоминалось о мерах, учреждениях и преобразованиях, несходных с нашими. В этих изложениях виде-

ли укоризну на то, что делается у нас, или предосудительное сожаление о том, чего у нас нет. При таких условиях невозможно изучение ни всеобщей истории, ни законодательства, ни статистики. Изучение сих предметов неминуемо укажет на постановления и факты, несогласные с нашими и которые могут порождать у нас опасные умствования и противозаконные желания.

В последнее время разрешены были издания политико-экономических и других подобных журналов. При разьединении цензуры опыт доказывает невозможность подобных журналов. Наука, как она ни стесняй себя строгими пределами, не может держаться в одной только сфере теории, так чтобы в самых началах своих или выводах не касалась она, хотя и косвенно, каких-нибудь государственных мер, потребностей или вопросов, существующих и в России. Подобные рассуждения не могут потрясти доверия к действиям правительства. Чуждые науке не станут читать этих рассуждений; люди образованные и с наукою знакомые сумеют понять необходимое различие, которое существует между общими понятиями науки и некоторыми государственными мерами, оправдываемыми местными условиями, временем, историческими началами и другими законными обстоятельствами. Но не менее того они желают знать, что делается и как делается в других государствах. Науку обрезать нельзя. Отрывочные понятия и сведения порождают одну сбивчивость. Следя за ходом ученой журналистики, нель-

зя не признать, что в последнее время появлялись некоторые весьма дельные статьи. Если и нельзя было принимать безусловно все выраженные в них мнения, то не менее того эти мнения могли быть приняты в соображение, чтобы обнять вопрос во всей его полноте. Нередко появлялись ученые рассуждения о поземельной собственности, о распределении сельских работ и тому подобные, где без всякой резкости и заносчивости, хладнокровно и ученым образом рассматривались те же вопросы, которые ныне будут предложены на рассмотрение губернских комитетов. Подобное вмешательство науки в дела действительности ничему повредить не может. Оно ни для кого не обязательно, а между тем уясняет и проверяет частные понятия и обогащает сведениями, которые всегда полезны. Некоторые из писателей наших и помещиков, благоговевая в великомудрости, указанно правительством об улучшении быта крестьян, поспешили представить статьи о том, как это совершилось в других местах, например в Пруссии, но и те статьи подвергнуты сомнению и задержке, хотя в них о России ничего не упоминается. Многие опасаются у нас толков, которые каждая печатная статья может породить. Но в некоторых обстоятельствах вынужденное молчание породит еще более толков, истекающих часто от невежества и неведения, а иногда и от недоброжелательства. Когда умы заняты важным современным вопросом, здравая пища нужна для их возбужденного внимания и деятельности. Известно, что в военное время недостаток ве-

стей из действующей армии всегда порождает в массе самые нелепые, неблагонамеренные и недоброжелательные слухи.

Все эти несогласности и противоречия, действующие ныне на цензуру, влекут к одному расстройству и к произволу. Для приведения вопроса в надлежащий порядок и ясность, должно положительно определить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагает возможным предоставить науке и литературе. Иначе следует решительно поставить такие преграды, за которые не могла бы литература вступать в область мышления, любознательности, общественных интересов, и одним словом всего, чем ныне занимается и живет общество. Подобное запрещение возможно; но, не входя в суждение о такой мере, можно спросить, не повлечет ли она за собою вред, гораздо опаснейший того вреда, которого опасаются от частных покушений литературы и от снисхождения и оплошности цензоров. Умам дала движение не литература наша; напротив, в литературе слабо и поверхностно отзывается движение умов, пробужденных событиями, духом времени, победами науки и усиленную деятельность нашей эпохи. Вопросы, вытесненные из печатной литературы, которая, не смотря на своевременные уклонения, невольно держится в берегах, определенных ей цензурным уставом, эти вопросы свободным разливом вторгнутся в рукописную литературу и в контрабандную литературу заграничных Русских печатных станков.

Никакие предохранительные и стеснительные меры поли-

ции не будут в силах бороться с этим беспрестанно возрастающим и напирющим злом. Она проникнет к нам, разольется у нас в тысяче видах. Русская литература перенесется за границу, и совершенно отрешенная не только от надзора, но и от влияния правительства, отрешится от собственного надзора за собою и бросится в крайности. Мы видим тому поучительный и несчастный пример.

Для ограждения цензуры от той сбивчивости, в которую она поставлена, и для отвращения того зла, которое могла бы повести за собою рукописная и заграничная литература, необходимо было бы ныне же, до окончания пересмотра по Высочайшему повелению цензурного устава, определить временно границы благоразумной деятельности литературы и действию цензуры на следующих главных основаниях:

1) Оставить в прежней силе разрешение говорить в печати, в пределах наук для книг и журнальных программ для периодических изданий, о вопросах ученых, современных и общественных, со строгим охранением основных государственных начал в политическом, религиозном и нравственном отношениях.

2) Имея в виду неопределенность и разнообразие толкований и примечаний, которым подвергаются печатные статьи, предоставить посторонним ведомствам входить с своими замечаниями на статьи, которые, по их мнению, признаются предосудительными, в главное управление цензуры, письменно, с точным объяснением причин, могущих уяснить, в

предосторожность цензуры, вред, проистекающий от одобрения их в печать.

3) Кроме сего, для большего удовлетворения требований разных министерств, с которыми наиболее встречаются соприкосновения, предоставить назначить с их стороны в Москве и Петербурге доверенных чиновников, которые могли бы разрешать возникающие в цензуре вопросы и сомнения и тем способствовать сей последней в поддержанию её предупредительного характера.

4) Между прочим, разрешить, по смыслу I пункта, допущение в печать благонамеренных ученых рассуждений и практических замечаний по поводу вопросов, возбужденных ныне Высочайшими рескриптами об улучшении крестьянского быта в пределах строгих приличия как относительно правительства, так и помещиков, и осторожности относительно крестьян.